

весной толпе купцов, пришедших к Ластовскому жидоваться на горожанского. Но в конце сезона вышел из состава труппы М. М. Петина, и Аполонский был принужден заменить его и постепенно пошел в гору.

Не легко дался Роману лаптя на сцене. Репертуар у Петина был большой, и хотя некоторые его характерные роли попали к Даматову и немножко ко мне, но почти все роли любовников перешли к Аполонскому, которому иногда приходилось играть два, три новых роли в неделю и работать над ними, играя и репетируя чуть не каждый день. Ему немножко помогло то, что некоторые из этих ролей ему уже приходилось играть на клубных сценах, на которых Александринский молодежь в свободное время подрабатывала и где очень денди Аполонского, как талантливого, добросовестного и на редкость красивого актера.

В Александринском театре ему пришлось тяжело на первых порах, так как ни публика ни пресса не хотели признавать за ним права «первого любовника» образцовой сцены. Это было тем более обидно, что было не мало ролей, которые Роман Борисович играл лучше Петина; он был проще, в нем не было манерности и вычурности последнего, что в особенности сказывалось в ролях чисто русского характера: в «Чародейке» Шванвичского, в «Прозе» и некоторых других. Кроме того Роман обладал прекрасным голосом (баритон) и если бы стал учиться, мог бы сделать хорошую оперную карьеру. Воспитывался он в Театральном казенном училище, что тоже, благодаря данному блестяще постановочному тем образованно, во многом мешало ему на первых порах его театральной карьеры. Ему приходилось порядком

и читать и учиться, чтобы пополнить пробелы своего воспитания. Помню, как будто это было вчера, скромную квартиру в Дмитровском переулке, где он жил с своей старушкой матерью. Помню, как мне приходилось утешить и подбодрить его, когда он хватился за голову и указывал мне на новую роль в пьесе Тойншиной, говоря: «Ты только подумай. Я должен ее выучить и приготовить. Да и вчера, а играть придется послезавтра, есть от чего с ума сойти».

Однако его природная талантливость и большая работоспособность выручали. С ума он не сходил и с каждой новой ролью завоевывала себе крупное место на сцене. Революционная публика знакома с Аполонским по сцене, хотя, должен сказать, далеко не с тем Ромашом Борисовичем, каким он был в более молодые годы. Силы ослабли, да и разрывавшаяся у него болезнь сердца не могли не сказаться на таланте его творчества. Как товарищ, Роман не был особенно экспансивен, сходилась не легко; было дескать человек, которых он любил, — меня в том числе, — но редко у кого бывала и вообще как-то стороннический отблеск. В одном я должен отдать ему справедливость — Я. Б. Аполонский никогда во время своей долгой карьеры не занимался никакими интригами, никогда не заигрывал с прессой и с большими достоинствами держал себя в отношении начальствующего персонала.

Во время моего долголетнего пребывания на сцене Александринского театра, в числе звездных актеров труппы служил Иван Федорович Горбунов, положивший начало Государственному Ленинградскому Театральному музею собираемым театральными стараниями

М. Г. Савина в «Холопаш»

Пытливый как вещевым, так и литературно-архивным бычьих врем. Театры СССР могут гордиться своими музеями, созданными в Москве А. А. Бакрушиным, а в Ленинграде И. Ф. Горбуновым и его последователями. Ничего подобного музею в Европе не существует. Но Горбунов создал себе очень громкое имя как рассказчик и писатель сцен из народного быта. Обладая огромной наблюдательностью и редким умом, изучая народную жизнь и характерные черты ее быта, он как рассказчик, до сих пор не превзойден. Кто не слышал афоризмов Горбунова в его исполнении, не может себе представить виртуозности и вместе с тем экспрессивной простоты его исполнения. Все лица этих коротеньких сцен вставали перед слушателями как живые, вызывая своим комизмом несмолкаемый смех.

Пытливый Островский очень любил и высоко ценил талант Горбунова. Как товарищ и человек, Горбунов был на редкость милым и приятным, а главное очень интересным собеседником, и многие специально ездили в рестораны Павлова, куда почти каждый вечер заглаживал Иван Федорович выпить стакан красного вина, чтобы насладиться его замечательным обществом. Горбунов был человеком большой вурачки, прекрасно знал историю театра, много работал над изучением истории русского языка в разные исторические эпохи. К сожалению, он мало после себя оставил литературных трудов в этой области.

Независимым типом, из изображаемых Горбуновым, был генерал Диткин. Горбунов изображал генерала эпохи Николая I вдовольно новыми техниками в административной и общественной жизни, вечно брызжащего и сужающего всякое новшество. Это было очень остроумно и смешно. Как актер, Горбунов не представлял из себя крупной личности. Даже в изображении так хорошо ему знакомых типов талант его ярко появлялся лишь в сценическом или самим рассказе и не укладывался в чужой текст. Недурно он

играл несколько ролей в комедиях Островского и А. Потекина, но это было далеко от его выступлений как рассказчика.

В сентябре 1916 скоропостижно скончалась Мария Гавриловна Савина.

Эта смерть произвела прямо потрясающее впечатление в труппе. Как! Александринский театр без Савиной? Невероятно! Слишком большое место занимала она в жизни театра. О Савиной, как об актрисе, я много говорил и писал, но ее и писали и говорили довольно, и ее имя займет много места в истории театра. Ее упрекали, что она вносила на сцену легкий веселый репертуар. Но разве Мария Гавриловна создала себе громадное художественное имя только этим репертуаром? Разве не было у нее блестящих ролей в пьесах Гоголя, Грибоедова, Тургенева, Островского?

Е. П. Корнакова-Александровская
«Не было ни гроша»

Это была актриса огромного разнообразного диапазона. Она сумела привлечь публику к своему голосу с легкого носовым звуком, и публика в ее голосе находила какое-то своеобразное очарование. Остроумная в жизни, как и в своем сценическом творчестве, она даже до последних дней, когда она перешла на пожимные роли, сохраняла какое-то чарующее обаяние. О Савиной, как о товарище и человеке, постоянно ходила какое-то разноречивое суждение, и как это всегда бывает с большими людьми, в дурную сторону. Во многом из тех суждений, которые про нее проникали в публику, Савина была сама виновата. Обращая большое внимание на общественное мнение о себе как об артистке, она довольно равнодушно относилась к тому, что про нее го-

ворили как про женщину. Кроме того, у нее был очень острый язык, но подчас довольно ядовитый язычок, задевавший людей, которые ей конечно этого не прощали. Что Савина тормозила карьеру другим артистам — это несправедливо. Мария Гавриловна умела ценить чужое дарование и даже в товарищах ей не особенно симпатичных никогда не умаляла их творческих достижений. Скольким молодым актрисам она оказывала и помощью и покровительство, ценила их дарование, но это скоро забывалось. К своему личному успеху Савина относилась равнодушно, но что же из артистов в этом не грешит? Говорили, что М. Г. была причиной ухода В. Ф. Комиссаржевской с Александринской сцены. Это ложь. Если бы даже возрастной успех В. Ф. и не был бы особенно приятен Савиной, то ей трудно, чтобы не сказать невозможно, было бы бороться с ней. Комиссаржевская была в расцвете своего молодого дарования, а Мария Гавриловна уже перешла на пожимные роли, и в ролях они уже соперничать не могли. В одном надо отдать справедливость Савиной — она была очень добрым и отзывчивым на чужое несчастье или горе человеком. Все добро, которое она делала, она тщательно скрывала и не любила, когда об этом говорили. Она много помогала провинциальным артистам, не говоря уже о том, что создание Убежища для престарелых артистов и детского приюта для сирот актеров — дело ее рук.

Только когда Савиной не стало, в труппе поняли, что, в сущности, Савину любили: как-то сиротливо стало без нее за кулисами. Савину хоронили в саду убежища для престарелых артистов, на Петровском Острове, до устройства склепа под церковью убежища. Почти вся труппа, весь технический персонал и рабочие наших мастерских и театр, курьески и студенты, много блестящих представителей ученого и литературного мира и масса народа пришли отдать свой последний долг большой актрисе. В Музее театра между Савиной, находившейся поднос, поднесенный ей нашими лютимицами, очень любившими Марию Гавриловну, в день ее 25-летнего юбилея, — поднос с хлебом и солью, сделанный ими из досок, взятых из лаза сцены, на которой Савина в течение двадцати пяти лет пожимала вполне заслуженные лавры.

1917 г.

«Новая любовь»

1938 г.

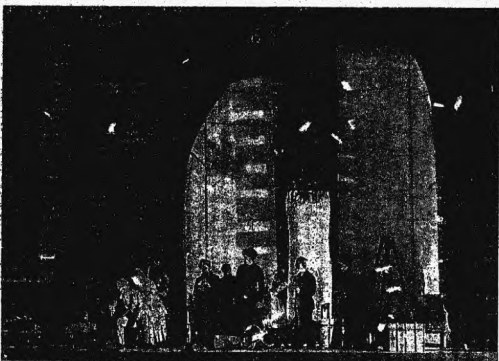
«Иван Калыгин»

1931 г.

«Не воевое мушкетерство»

Заслуженная артистка
В. А. Митюхина-Самойлова

«Огненный мост»

1928 г.